

«Самое важное в искусстве — это потрясение»

ИНТЕРВЬЮ ПАВЕЛ КАТАЕВ

ФОТО АЛЕКСЕЙ ГУЩИН, АЛЕКСЕЙ СУХАНОВ, АНТОН ЗАВЬЯЛОВ, МАЙЯ ГЕРАСИМОВА, МАРИНА ДМИТРИЕВА

На творческой встрече в рамках «Лаборатории современного зрителя» композитор Алексей Сюмак рассказал, что в какой-то момент написанные партии хора показались ему самому невозможными для исполнения. Однако когда Сюмак приехал на репетицию, то увидел, что хор MusicAeterna не только справился, но пел эти фрагменты наизусть. Как вы преодолевали такие сложности?

— Мы очень рады, что опера Cantos стала уже вторым проектом, написанным специально для нашего хора. Мы в состоянии исполнять по-настоящему сложную музыку. Когда я получил ноты от Лёши с предупреждением о том, что там есть очень сложные элементы, мы поставили перед собой задачу справиться с ними. Репетировали так, чтобы исполнить произведение в хорошем качестве. Сейчас продолжают репетиции, и Теодор оттачивает детали, ставит перед ребятами дополнительные художественные задачи. Конечно, эта партитура на грани человеческих возможностей, но пока мы справляемся.

Как вы обсуждаете с хором концептуальную и эмоциональную стороны исполнения, особенно в случае таких непростых произведений, как опера Cantos?

— Опера разделена на семь частей с тремя речитативами, и каждая часть непохожа на предыдущую. Несмотря на то что есть какое-то сквозное развитие, даже исполнительские техники разные. Если одна часть построена на звукоиз-

влечении, которое имеет высотность, то другие части основаны на менее привычных техниках: штробасе, вдохах и выдохах.

ПАРТИТУРА НА ГРАНИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ, НО ПОКА МЫ СПРАВЛЯЕМСЯ

Поэтому на протяжении оперы ребятам приходится постоянно перестраивать свой певческий аппарат. Достаточно классический вокал превращается во вздохи, вскрики, хрип, а потом обратно. Есть экстремальные тесситуры, очень высокие или очень низкие. Опера написана для 24 голосов, и есть дивизи (указания на раздельное исполнение одной партии), в которых одновременно идут 24 мелодии.

Вы как-то сказали: «Искусство не обязано быть всегда прекрасным и вызывать только положительные эмоции. Прежде всего это потрясение». Относится ли эта мысль к постановке Cantos?

— Я думаю, это относится к любому произведению искусства. И действительно, самое важное — это потрясение, будь то катарсис, осознание каких-то человеческих процессов, эмоциональная встряска. Я считаю,

что любое произведение искусства должно преследовать именно эту цель.

Наверное, современная музыка обращается прежде всего к человеку разумному, не просто жаждущему созерцания, а готовому путешествовать, включаться в процесс. На мой взгляд, в Cantos вся творческая команда преследует эту цель — побуждать людей не просто смотреть на то, что происходит на сцене, получая эстетическое наслаждение, но и работать внутренне.

Изменилось ли в ходе работы над оперой ваше отношение к Эзре Паунду, поэту с непростой личной и творческой судьбой?

— Я не могу сказать, что Эзра Паунд — тот поэт, которого я хорошо знал. Его имя было на слуху в череде имён других англоязычных поэтов, поэтому если через мою жизнь он и проходил, то буквально одним стихотворением.

Когда мы включились в процесс работы над оперой Cantos, естественно, я стал читать в большом объёме его поэзию в замечательных переводах. Конечно, моё понимание значительно расширилось, кардинально изменилось. Если ты не вдаёшься в подробности, не изучаешь его творчество, то ограничиваешься тем, что человек исповедовал фашизм. Но раз он входит в историю как создатель (а для меня фашизм — это, конечно, разрушительная идеология), то нужно понять, как же в нём сочеталось несочетаемое.